

Я МНОГОГО ЕЩЕ НЕ ЗНАЛ В ТОТ ВЕЧЕР

История клоуна
Г. МОСКВА

15 АВГ 1965

Первый выход на манеж. Сколько волнений, переживаний! Друзья успокаивают: «Да брось ты. Все будет нормально!» Конечно, им легко говорить. Они уже выступили. Посмотрели бы, что с ними делалось перед выходом. А сейчас пойду я. Инспектор, ведущий программу, объявляет: «Весь вечер на манеже молодой коверный...» Так и началась моя творческая жизнь в цирке.

Предшествовала ей учеба в Государственном училище циркового и эстрадного искусства на отделении клоунады и музыкальной эксцентрики. Здесь с помощью режиссеров Ю. П. Белова и С. А. Каштеляна мы, будущие клоуны, приступили к созданию своих образов, т. е. масок. Основа маски чаще всего черты собственного характера, только сильно преувеличенные. Положим, черты характера любознательного, немного неловкого, добродушного артиста могут быть использованы в образе любопытного неуклюжего простака. Решить точно, в какой маске актеру лучше всего выступать, очень и очень трудно. Иные артисты, проработав в цирке всю жизнь, так и не смогли создать своего образа, довольствовались подражанием Чаплину, Пату и Паташону, Гарольду Ллойд.

Если же, хотя бы приблизительно, черты будущей маски найдены, то стараешься их зафиксировать в костюме и гриме. На примере того же любопытного неуклюжего простака попробую рассказать, как это происходит. Чтобы лицо стало добродушнее, приподнимаешь брови, делаешь нос картошкой и увеличиваешь нижнюю губу. Но, поработав, чувствуешь — большой нос, нижняя губа, нарисованные брови мешают. Носом невозможно пошевелить, нижняя губа не меняет формы, как бы ни закрывал и ни открывал рот, а брови, кроме удивления, ничего не выражают. У артиста в жизни неплохая улыбка, а он не может ею воспользоваться на манеже. Она скрыта под слоем лишнего грима. Надо освободиться. Изучив со временем возможности своего лица, оставляешь грима столько, сколько необходимо.

С костюмом, казалось бы, проще. Обращаешься за помощью к художнику. Ему объясняешь, что на манеже неповоротливый, любопытный клоун. Во-о-от с таким большим носом. Костюм хотелось бы поярче, краски посочнее. Через несколько дней художник приносит эскиз. На голове яркая голубая шляпа с широкими полями. Пиджак темно-красный, в белую клетку. Брюки желтые. Носки в полоску. Ботинки на одну половину синие, а на вторую — белые. На шее пышный бант, разрисованный красными, синими, желтыми кружочками. Выйдя несколько раз на манеж, обнаруживаешь: яркий пиджак не так уж хорош. Да и вся пестрота скорее раздражает, нежели вызывает смех. Кстати, пышный бант пришлось снять после первого выступления. Он мешал зрителям разглядеть лицо клоуна, а клоуну видеть партнера. Когда шьют следующий костюм, просишь художника убрать лишнюю пестроту. Пусть он выглядит поскромнее. Клоун все-таки человек, а не жар-птица. Некоторое время спустя опять чувствуешь, не тот костюм! Выходишь на манеж с ощущением, будто брюки и пиджак взяты у кого-то напрокат. Хуже нет такого состояния. Просишь художника еще и еще раз подумать о костюме, сам садишься за эскизы. Перепробуешь массу вариантов, пока в один долгожданный вечер, а он будет ух какой долгожданный, скажешь: «Ну, кажется, сейчас получилось то, что нужно».

Кроме образа, у артиста есть еще одна забота. Репертуар. Ох, уж этот репертуар! Даже специальные авторы не всегда могут помочь клоуну в его повседневной, тяжелой, мучительной «битве» за репертуар. Вообще ни для кого не секрет, как построить смешную клоунаду, репризу, какие необходимы компоненты. Интересная тема, комедийные трюки, оригинальное начало и неожиданный финал. Но вот иной раз клоунада отвечает всем требованиям, а будет ли она смешной, узнаешь только на публике. Не думайте, однако, что мы, работая над клоунадой или репризой, совсем уж не знаем, в каком месте можно ожидать смех. Примерно угадываешь. Однажды я придумал трюк. С самого начала казалось, что он вызовет смех. Так и получилось. После номера с собачками я появился на манеже, таща за собой толстую веревку, причем один ее конец остался за кулисами. Остановившись, позвал: «Шарик, Шарик, Шарик», — сделал несколько шагов. Веревку резко дернуло обратно за занавес. С трудом удержавшись на ногах, схватил вырывающуюся веревку двумя руками, перебросил через плечо и вытащил из-за кулис второй конец. К нему привязан большой воздушный шарик. Его появление зрители встретили хохотом. Вырываюсь, веревка, моя борьба с ней, зов «Шарика» — все подготовило публику к тому, что за кулисами живая собака.

Правда, бывает и так. Трюк хороший, а зрители не принимают, не смеются. Почему? В одной из реприз по ходу действия я сел на стул, тут же вставал, а стул повисал у меня за спиной. Цеплялся за пиджак. Я думал, будет смех, но смеха не последовало. Публика не поняла, почему стул повис за спиной. Как же объяснить? Остановился на таком варианте. Сажусь на стул, он качается, скрипит, вот-вот развалится. Встаю, достаю из кармана тюбик с клеем и промазываю все стыки, щели. Еще раз сажусь, проверяя, будет ли стул теперь качаться. Стоит, как вкопанный. Поднимаюсь со стула, а он повисает за спиной. Зрители смеются. Приклеился.

Комические трюки — украшение репризы, золотые искорки-смешинки, вкрапленные в единую оправу-тему. Темы могут быть разные. Судите сами. Вот названия реприз: «Фотография», «Как я узнаю время», «Чемпион», «Совок и веер», «По самоучителю», «Осторожно, обожжешься!», «Барабан и Муха», «Сережа-стрелок», «В новой квартире».

Создавая свой репертуар, свои шутки, остроты, клоун должен относиться к ним очень критически и никогда не забывать слова великого английского сатирика Джонатана Свифта: «Острота подобна бритве, и чем тупее она, тем опаснее для употребления». Но в тот вечер, когда я впервые стоял за занавесом, а инспектор впервые объявлял: «Весь вечер на манеже молодой коверный...», я многого еще не знал.

Сергей МАНАРОВ,
артист Госцирка.